

КАМНЕРЕЗЫ

У одного большого скульптора спросили, как он работает над своими произведениями?

– Я беру камень, – ответил тот, – и отсекаю всё лишнее...

Нельзя писать о прошлом Алтая, да и о сегодняшнем дне его, не вспомнив о Колывани, о Колывано-Воскресенских заводах и рудниках. На всей территории восточнее Урала, – в Сибири и на Дальнем Востоке, – не было региона, где механическое производство развивалось бы так бурно, как здесь. Именно на Алтае, в далёкой глухомани в конце первой четверти XVIII века зародилась сибирская промышленность. Отсюда по горным дорогам, подобным узорам ревневской яшмы, пошли в столицу обозы, гружённые алтайской медью, а позднее – серебром и золотом, а ещё позднее – произведениями искусных умельцев – колыванских мастеров резьбы по камню.

Рассказывают историю: русский мужик Иван пришёл первым в эти места. Чем приглянулась ему округа, неизвестно. То ли шустрой речонкой, что берёт начало у величественной Синюхи, то ли лесом да тучными землями. А может, поразили его здешние скалы, где камень сверкает очаровательным блеском. Скупые на высокие слова сибиряки и сейчас, кстати, зовут эту скалу неподалёку от Колывани, – Очаровательной.

В богатую эту землю первым вбил кол Иван. Так и повелось с тех пор: старожилы именуют населённый пункт попросту – Колыван, а на картах и в книгах он отмечен, как Колывань.

В начале XVIII века государству требовалось всё больше и больше металла. Решено было поискать его в Сибири. И вот (по разным данным – в 1718, 1721 или 1723 году) люди уральского промышленника Акинфия Демидова в междуречье Чарыша и Алея обнаружили богатые залежи медной руды. На реках Локтёвка и Белая началось строительство первых медеплавильных заводов. Однако через несколько десятилетий запасы руд и леса для выжигания древесного угля, используемого для выплавки металла, стали истощаться. Были построены сереброплавильные заводы в Барнауле, Павловске и других местах, куда приписные крестьяне на лошадях доставляли руду и уголь. В 1789 году Колыванский завод закрылся.

Было решено «... его разломать и устроить на том месте, согласно плану и смете, означенную мельницу (*камнерезную фабрику – А.М.*) в два этажа, что и поручено ... выполнить служащему Вяткину, знающему механическое

мастерство, каменную же кладку поручено произвести локтевскому унтер-шихтмейстеру Девяткину под наблюдением шихтмейстера Стрижкова».

Так появился в России третий камнерезный завод – после Петергофского и Екатеринбургского центров художественной обработки камня.

13 августа 1802 года сквозь режки (так колыванцы называют шлюзы плотины) ринулась вода, приводя в движение хитроумное приспособление первой в мире механической шлифовальной фабрики, придуманное её управляющим Филиппом Васильевичем Стрижковым.

В заводском музее на стенах – портреты потомственных камнерезов Акуловых, Поднебесновых, Дороховых, Владимировых... Каких только нет здесь экспонатов! Коллекции камней: яшма и кварцит самых различных оттенков, обсидиан, орлец, родонит, авантюрин... Шкатулки, кубки, вазы, чаши, сувениры, ювелирные изделия...

Каменных дел мастера создали неповторимые ценности, которые специалисты ставят в один ряд с египетскими пирамидами, творчеством зодчих Растрелли, Воронихина, Росси...

Изделия колыванских камнерезов хранятся в музеях Москвы, Парижа, Лондона. Особой, заслуженной славой пользуются крупные чаши и вазы из яшмы и порфира. В Эрмитаже находится колыванская «Царица ваз» – чаша из ревневской яшмы, диаметр которой в поперечни-

Царица ваз в Эрмитаже.

ке достигает пяти, высота – двух с половиной метров, вес – около одиннадцати тонн. Четырнадцать лет ушло на заготовку камня и изготовление величественной чаши. Тысячи людей резцами и долотцами, наждаком и другими приспособлениями делали её.

Мастерская художника Валентина Тимофеевича Гуляева. Здесь, сначала в эскизах, а затем в опытных образцах рождается продукция камнерезного завода. Гуляев протягивает маленький, ошлифованный с одной стороны камешек.

– Это на что похоже? – спрашивает его внимательный, чуть усталый взгляд. В центре кварцевой пластинки нежное розовое пятно, окруженное зеленою.

– Да это же лесная поляна, – осеняет меня.

Художник снимает с полки пластинки, протирает их влажной тряпочкой. Говорит:

– Это – закат. Смотри: вечерние солнечные краски, поле, и даже тропинка видна. А вот – морской прибор. Или полюбуйся: на этой пластинке чем не жар-птица?!

Изготовление мозаики.

Потом мы вместе листали альбомы с эскизами, смотрели опытные образцы. Здесь кубки, призы из яшмы с серебряной филигранью, которые камнерезы готовили к Олимпиаде-80. Шкатулка «Алтайский сундучок», вазы – спецзаказ московского магазина «Русский сувенир», светильники, сувениры. В работе и готовыми довелось увидеть основную продукцию завода – облицовочные плиты, гранитные вальцы для химического производства, доводочные круги типа «Арканзас», пепельницы, карандашницы, шкатулки, запонки, броши...

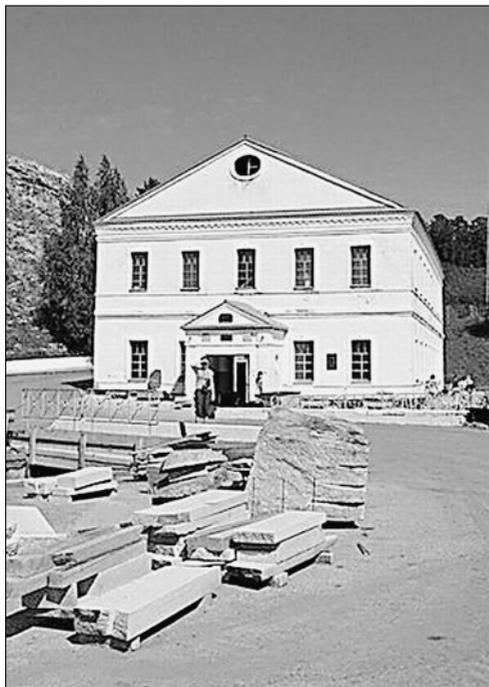
Поистине, не оскудело ни мастерство колыванских камнерезов, ни богатство алтайских каменоломен – Ревневской, Коргонской, Белорецкой, Воскресенской, Бурановской...

Рабочее место ювелира Веры Сапрыкиной похоже на институтскую лабораторию – светлый удобный столик, неоновая лампа, букет цветов. Она изготавливает броши. За годы работы освоила много операций. Вот и сейчас она готовит основание броши – касты, филигрань, скрепляет их. Не знаю, может быть, случайно на её столике горят гвоздики, но рисунок филиграни броши удивительно похож на лепестки этого цветка. Доверяют Вере самые ответственные задания – изготовление опытных образцов по эскизам.

С двухэтажного корпуса шлифовально-художественного цеха, где работает Вера Сапрыкина, начинался камнерезный завод. Здесь трудились

предки нынешних мастеров, деда мастера смены Владимира Петрова, с которым я познакомился у проходной... Довелось побеседовать со многими рабочими и специалистами. Ходил я домой к ветерану завода Алексею Ефимовичу Поднебеснову посмотреть пластинку орской яшмы, по которой мчится огненный конь под золотым седлом. А главный инженер предприятия, в прошлом геолог, Борис Пчелинцев показывал мне удивительную коллекцию камней. Ещё я листал документы и архивы завода вместе с заведующая музеем А.И. Сапрыкиной, которая работает здесь без малого тридцать лет.

Любят, уважают, нет, даже благоговеют перед камнем в Кольвани, помнят традиции своего завода, посёлка.

Кольванский камнерезный завод.

Мозаичное панно «Звёздный конь», автор А. Дербенёв, исполнитель К. Крыхтин. Белорецкий кварцит, яшма. 2003 год.

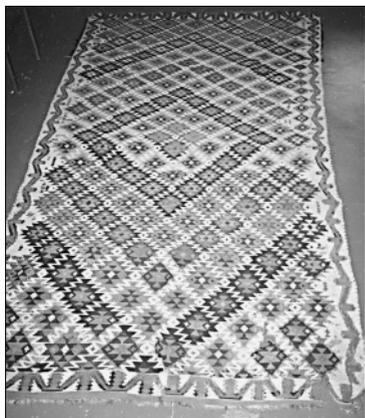
Искусство кольванских умельцев расколдовало секреты камня, создало единственную школу мастеров резьбы на крупных поверхностях цветного камня. Нынешние камнерезы из Кольвани нашли свой художественный стиль – сочетание узорчатых алтайских камней с металлом и филигранью.

Большое будущее у камнерезного цеха. Он мог бы изготавливать декоративные изделия для театров, дворцов и спортивных сооружений, исполнять спецзаказы – мемориалы, пьедесталы памятников.

«Остаётся пожелать до поддержания фабрики на высотах основных её задач, чтобы дальнейшая её деятельность... возможно более соответствовала запасам двух богатейших каменоломен – Ревневской и Коргонской...». Эти строки – из книги, выпущенной в Барнауле в 1902 году, к столетию Колыванского камнерезного завода.

Когда молчит история, говорят камни! А заставить их заговорить могут лишь только мастера, такие как камнерезы из Колывани.

ПАЛАС ИЗ КОЛОНИИ КАРРАС

Тот самый палас, на котором в канун дуэли сидел Михаил Лермонтов.

В одном из алтайских музеев хранится вещь, которая имеет отношение к последнему дню Михаила Лермонтова, погибшего на дуэли в 1841 году.

К Ивану Беккеру, создателю Музея истории медицины Алтая, главврачу больницы № 2 города Рубцовска, как-то пришёл пожилой человек. Он назвался Константином Гейном, выходцем из ростовских немцев. Рассказал, что в 1943 году был выслан в Алтайский край, где после войны более 30 лет работал зоотехником в совхозе «Рубцовский».

Посетитель пришёл за советом. Дело в том, что Константин Гейн собирался уезжать к родственникам в Германию, но в России его держали неотложные и важные дела. Он выразил желание отдать в музей картины и ещё кое-какие принадлежащие ему вещи, которые запрещены к вывозу за рубеж.

Едва Беккер перешагнул порог дома Гейна, тот неожиданно остановил его: «Стойте здесь! Вы даже не знаете, на что вы наступили!» Гость удивился: на полу лежал старый, потёртый палас. Но хозяин уверял, что именно на этом паласе сидел великий русский поэт Михаил Лермонтов, причём в самый канун его гибели.